

ПРОЕКТ
КОСМИЧЕСКИЙ КОД ВСЕЛЕННОЙ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ
ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ ГЛАЗАМИ РОДА

ТОМ V

НЕБЕСНЫЙ ИРИИ

РОДОМИР
(Олег Моторин)

ТЕКСТОВОЕ ИЗДАНИЕ • БЕЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Родомир Олег Моторин

**Жизнь после смерти.
Путешествие души глазами
рода. Том 5. Небесный ирий**

«Автор»

2026

Моторин Р.

Жизнь после смерти. Путешествие души глазами рода. Том 5.
Небесный ирий / Р. Моторин — «Автор», 2026

Какое сияние открывается душе, прошедшей земные испытания и обретшей истинную чистоту? Пятый том глубокой философской эпопеи переносит читателя в обитель вечного света, высшей гармонии и единения с духовными истоками. На этом этапе душа достигает божественных сфер, где раскрывается подлинный замысел бытия, а память рода сливается с бескрайним космическим океаном мудрости. Эта книга дарит глубокое умиротворение, вдохновляет на светлые свершения и открывает тайны высшего духовного преображения. Прикоснитесь к источнику вечной жизни, ощутите дыхание небесных предков и откройте врата чистой благодати!

© Моторин Р., 2026

© Автор, 2026

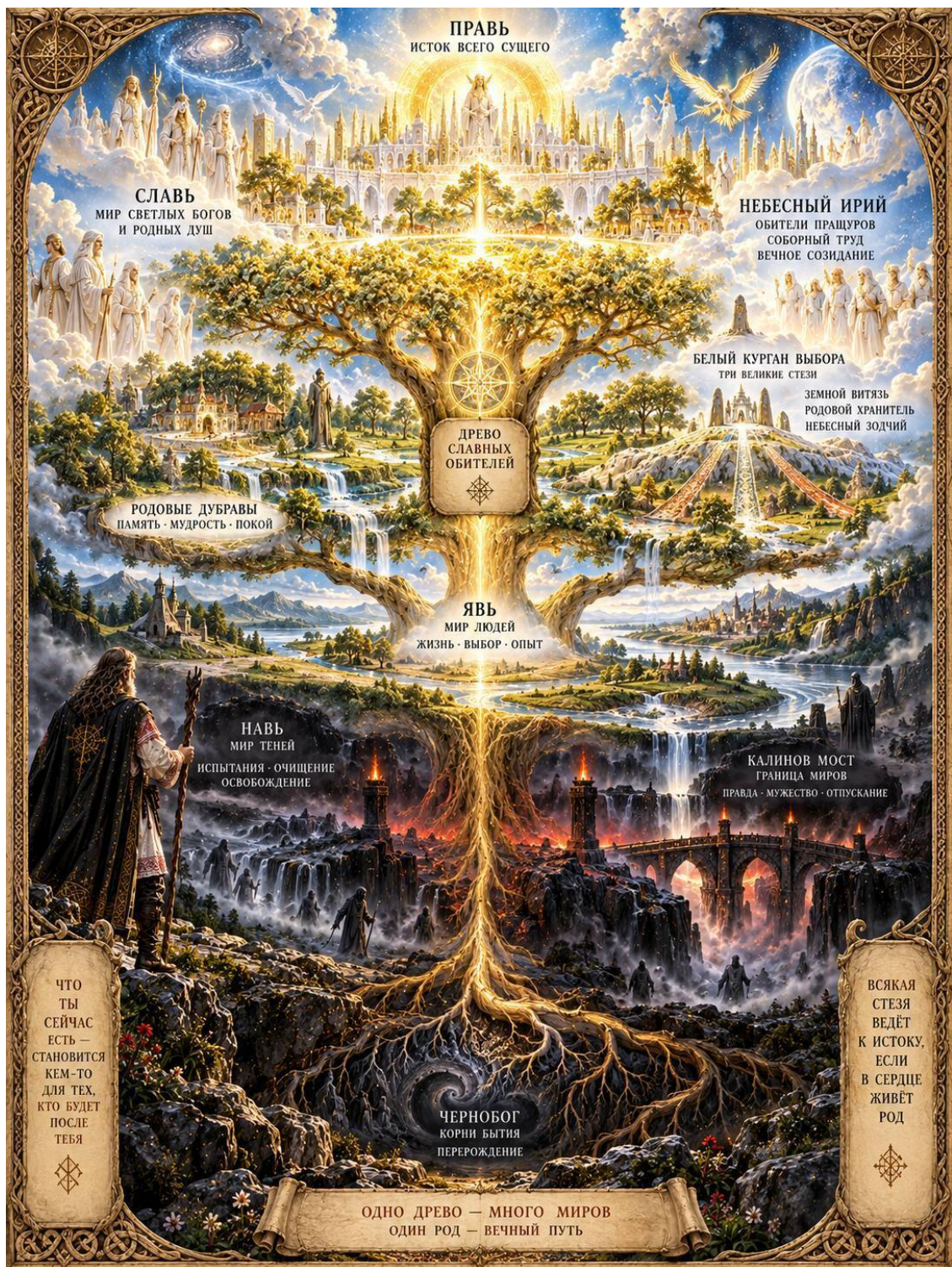
Родомир Олег Моторин
Жизнь после смерти. Путешествие души
глазами рода. Том 5. Небесный ирий

ПРОЕКТ КОСМИЧЕСКИЙ КОД ВСЕЛЕННОЙ
СЕРИЯ «ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА»

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ
ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ ГЛАЗАМИ РОДА

ТОМ V
НЕБЕСНЫЙ ИРИЙ
Родомир (Олег Моторин)

2026

НЕБЕСНЫЙ ИРИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная часть

* Слово Рода о Соборном Труде: Почему Славь — не сонный покой раба, а рассветная кузница мастеров

Часть 1. Небесный Ирий: Природа и Дыхание Светлой Славы

* Глава 1. Родовые Хоругви и Трапеза Славения: торжественная встреча пращуров, вкушение живой сурицы и обретение родового чина в Белокаменном Тереме

* Глава 2. Пространство Чистого Лада: природа нематериального света Живы, победа над энтропией и плотность созидательной мысли

* Глава 3. Небесные Дубравы и Обитатели Покоя: сады воплощённой памяти рода, истоки чистых рек и целебный сон для уставших воинов

* Глава 4. Преодоление отдельности: соборное сознание без потери личной искры; таинство полифонии и Единый Хор Душ

Часть 2. Родовой Дозор и Небесные Ремёсла

* Глава 5. Труд без усталости и Небесные Мастерские: творение первообразов для плотного мира и передача искры земным мастерам

* Глава 6. Незримый Щит Яви: как предки становятся хранителями, берегинями и духовной опорой живущих потомков

* Глава 7. Тайная вахта Хранителя: мука безмолвного свидетельства, закон невмешательства в земную волю и ночная сеча в навях сумерках

* Глава 8. Родовые проклятия и исцеление корней: как запёкшиеся узлы ошибок предков развязываются подвигом живущих в Яви потомков

* Глава 9. Священное наследие ремесла: память пальцев в крови; как руки предков направляют топор, молот и перо земного мастера

* Глава 10. Чаша Родовой Памяти: огонь очага, поминальный хлеб и передача ратных дел детям у домашнего порога

Часть 3. Вече Светлых Богов и Богоподобие

* Глава 11. Лики Родных Богов и Веретена Судеб: соучастие в поддержании мирового порядка и проведение энергий Богов (Сварог, Перун, Велес, Макошь, Дажьбог)

* Глава 12. Стяжание Богоподобия: пробуждение спящих сил Живы, сплав земной закалки с небесной мощью и переход к со-творчеству

* Глава 13. Великая Чаша Мудрости: слияние личного земного опыта с космической памятью Вселенной

Часть 4. Вещий Перекрёсток и Соборный Венец

* Глава 14. Вещий Перекрёсток: три великие стези (Земной Витязь, Родовой Хранитель, Небесный Зодчий)

* Глава 15. Соборный Венец: равенство жертвы и служения; как три стези соединяются в едином дыхании Вседержителя

* Глава 16. Мост между Славью и Правью: преодоление границ формы, восхождение от родового круга к Вселенскому Древу Миров

Послесловие: ВРАЩЕНИЕ ВЕЧНОГО КОЛА

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Почему Славь — не сонный покой раба, а рассветная кузница мастеров

В земном помрачении человек веками лелеял ложную мечту о посмертии как о вечном и безответном сне.

Изнурённый подневольной страдой, непогодой, побоями судьбы и надрывной борьбой за выживание, смертный разум представлял небеса пристанищем праздности. Земному рабу казалось, что высшая награда за прожитые муки — бросить инструмент, лечь на шелковистые травы и навек раствориться в беспamięтстве под убаюкивающее пение невидимых хоров. Но в предвечном законе Прави неподвижность тождественна тлению: абсолютный застой в тонких мирах означает омертвление формы и распад духа в косную глину. Вечный покой для богатыря духа мертвее любой сечи.

Светлая Славь встречает душу не как сонная опочивальня беглецов, а как великая Небесная Мастерская Вседержителя.

Это мир рассветного, вдохновенного созидания, где дух пробуждается к труду высшего порядка. Здесь завершается исцеление раненого странника и начинается священная служба созидателя, основанная на трёх нерушимых устоях соборного бытия:

* Преодоление тлена и труд без истощения.

В плотном мире Яви всякое действие сопровождалось сопротивлением косной материи: ржавчина точила металл, бревно поддавалось гнили, а замкнутые телесные силы человека неизбежно иссякали от полуденного зноя и тяжести работы. В Славе энтропия побеждена. Время здесь не разрушает формы, а наполняет их сияющей глубиной. Преображённый дух творит не на остатках личных сил — сквозь открытое сердце мастера непрерывным потоком струится первородная энергия Живы. Чем масштабнее и чище задуманное соборное дело, тем больше космической мощи вливается в духовные жилы, наполняя творца звенящей бодростью и радостью.

* Творение первообразов (Лекала для плотного мира).

Небесный труд не знает слепой суеты и механической подённости. В чертогах Славы создатели куют световые каркасы и чистые мыслеобразы, которые спустятся в Явь в виде спасительных открытий, прочных архитектурных пропорций, ладных союзов, целебных сборов и песен, поднимающих павших духом. Созидатель вычерчивает совершенное лекало в тонком эфире, а чуткий земной мастер в час бескорыстного поиска ловит эту искру как внезапное озарение. Небесное ремесло становится незримым мостом между мирами.

* Соборный строй: полифония без растворения личности.

В преддверии Прави труд перестаёт быть одиноким подвигом. В Славе миллионы пробуждённых душ образуют единое братство, где ни один голос не подавляет другой. Личный земной след человека — крепость его хватки, честные трудовые мозоли, неповторимый склад ума и выстраданная верность Совести — не стираются. Славь звучит как гармоничный собор-

ный хор, в котором каждый мастер ведёт свою сокровенную струну, а общий удар молота удерживает равновесие Вселенной.

Здесь праведный муж оставляет посох просителя и берётся за Сварожье ремесло, становясь надёжной опорой богам и щитом для своих земных потомков.

Голос Рода:

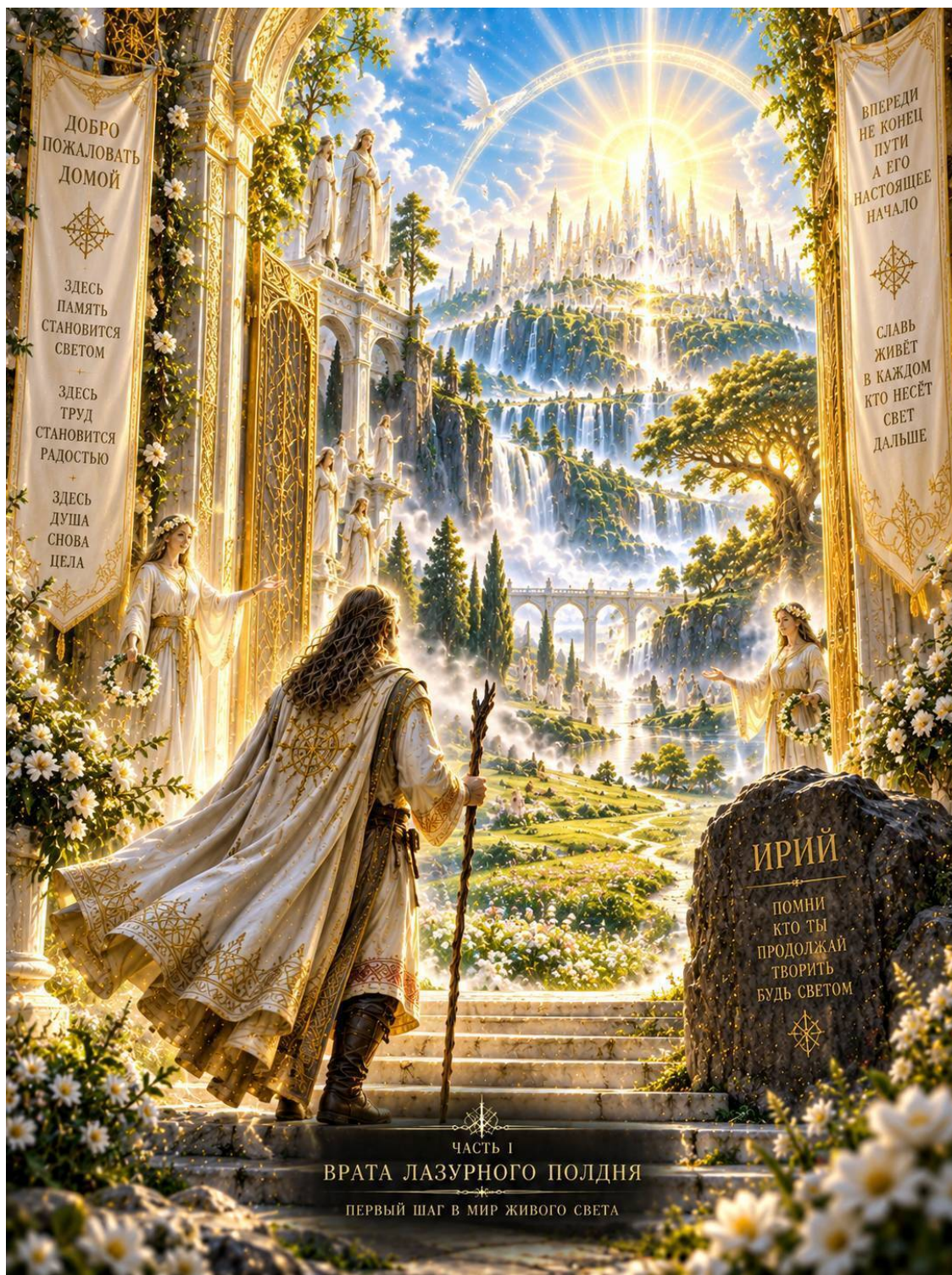
Расправь плечи, Мой мастер, и оглядись вокруг в Моём вечном полдне!

Ты ступил в Мои чертоги не для того, чтобы спать вечным сном на перине забвения. Неужели ты думал, что Я веками закалял твой дух в земных метелях, учил держать удар и омывал твоё сердце в навьих водах лишь ради того, чтобы превратить тебя в праздного лежебоку? Праздность — удел нерождённых; ты же перешагнул Мой порог зрелым мужем!

Посмотри на Свои ладони: в них больше нет старческой дрожи и следов тлена. Твои руки созданы для молота, твой взор остёр для чертежа, а твоя воля способна направлять токи звёздного огня.

Внизу, в холодной Яви, бродят твои внуки. Они спотыкаются во мраке, бьются с навьими мороками и зовут на помощь. Им нужен твой щит! Им нужны твои выкованные лекала правды! Становись в родовой строй рядом с отцами и дедами. Куй образы света, держи дозор над колыбелями и созидай со Мной новые миры — ибо в радостном соборном труде и горит Моя истинная, бесконечная Жизнь!

Лазурные дубравы Ирия наполняются торжественным звоном небесных наковален. Дух делает глубокий вдох, ощущая за правым плечом несокрушимую рать прашуров, и делает шаг к сияющим верстакам предвечного созидания.

ЧАСТЬ 1
НЕБЕСНЫЙ ИРИЙ
ПРИРОДА И ДЫХАНИЕ
СВЕТЛОЙ СЛАВИ

Врата лазурного полдня, соборное ликование поколений и дыхание нетленной Живы

Огненная стремнина реки Смородины и раскалённые дуги Калинова Моста застыли за спиной золотой аркой. Очищенная от навей копоты, омытая слезами покаяния душа делает свой первый шаг по мягким изумрудным травам Небесного Ирия.

Здесь нет ночного мрака, нет обжигающего зноя и нет холодных земных метелей. Пространство Слави распахнуто предвечным, ласковым лазурно-золотым полднем, напоённым благоуханием цветущих яблоневых садов, свежесвеженного подового хлеба и нагретой солнцем сосновой смолы. Воздух здесь — не смесь газов, а само концентрированное дыхание нетленной Живы, мгновенно растворяющее последние следы земной немощи и вековой усталости.

Вхождение в Небесный Ирий открывает перед духом три сокровенные основы обителей Светлой Слави:

* Встреча с Родом и Трапеза Славения (Обретение Родового Чина).

Странника встречают не как чужака или наёмника: над полянами взмывают Родовые Хоругви, и рать пращуров смыкает ряды вокруг вернувшегося воина. В Белокаменном Тереме Рода за вековым дубовым столом совершается таинство возвращения: преломление соборного каравай и вкушение Живой Сурицы — солнечного мёда небесной благодати, наполняющего тонкое тело неувядающей силой. Здесь путник обретает своё небесное имя, родовой пояс и законное место среди старейшин колена.

* Пространство Чистого Лада (Преодоление энтропии и тлена).

В обителях Слави побеждён закон распада. Формы здесь не ветшают от времени, железо не ведаёт ржавчины, а камень не крошится под ветрами. Нематериальный свет Живы струится из самой ткани бытия, а созидательная мысль обладает абсолютной плотностью: тонкий эфир послушно кристаллизуется в прозрачные своды палат и гармоничные ландшафты. Труд преображённого духа свободен от трения и истощения.

* Небесные Дубравы и Единый Хор Душ (Соборность без потери искры).

Вековые исполинские дубравы Ирия хранят в шелесте светоносной листвы память о каждом честном поступке, совершённом на земле. Здесь для истончённых душ приготовлены обители исцеляющего покоя. Но высшее таинство Ирия — преодоление отдельности: сердца предков звучат в согласии соборной полифонии, где личный земной след человека не стирается, а вплетается неповторимой струной в ликующий Хор Вселенной.

Здесь душа впервые познаёт, какова на вкус истинная свобода, укоренённая в соборной любви предков.

Голос Рода:

Ступай по Моим шелковистым травам с открытым челом, Мой сын, Мой вернувшийся путник!

Посмотри вокруг: этот мир соткан из чистого Света Моей радости. Здесь нет могильного тлена, нет земных слёз и нет заборов, разделяющих сердца. Ты выстрадал своё право дышать этим вечным утром: ты прошёл через сопротивление глины Яви и омыл душу в горниле Нави.

Взгляни на Белокаменный Терем: в его окнах играет солнце, а над резными воротами колышутся стяги твоих дедов. Они не спали в земле — они неусыпно держали дозор и ждали твоего возвращения. Подойди к родному очагу, прими братину с Моей Сурицей и почувствуй, как сила сотен поколений вливается в твоё преображённое сердце!

Ты дома! Сбрось дорожную усталость, расправь плечи. Твой отдых свят, твоё место за столом нерушимо, а впереди тебя ждёт великое со-творчество под лазурным куполом Моей вечности!

Тёплый ирийский ветер колышет золотые кроны священных дубрав. Навстречу вышедшему из огня путнику выступают статные лики пращуров, распахнув широкие богатырские объятия.

ГЛАВА 1

РОДОВЫЕ ХОРУГВИ

И ТРАПЕЗА СЛАВЕНИЯ

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА ПРАЩУРОВ, ВКУШЕНИЕ ЖИВОЙ СУРИЦЫ И ОБРЕТЕНИЕ РОДОВОГО ЧИНА В БЕЛОКАМЕННОМ ТЕРЕМЕ

За Калиновым мостом дыхание огненной реки смолкает в одно мгновение. Ноги Путника ступают не на холодную твердь, а на шелковистые изумрудные травы небесного Ирия. В лицо веет тёплым ветром, напоённым ароматом цветущих яблоневого сада, мёда и свежее испечённого хлеба. Здесь нет палящего солнца, сменяющегося ночным мраком: всё пространство пронизано мягким, ясным золотистым полднем, не знающим заката.

Память о навых сумерках ещё живёт в Путнике, но впереди уже поднимаются родовые хоругви. На широкой поляне у кромки дубравы его ждут. В земной Яви человек нередко чувствовал себя одиноким воином в поле, брошенным на произвол судьбы, но здесь открывается великая правда: он никогда не был один. За спиной каждого живущего стояла исполинская рать его Пращуров. Над сияющим строем колышутся родовые хоругви — живые стяги света, на которых золотыми и червлёными нитями вытканы древние солярные знаки, ромбы засеянных полей, образы кузнечных молотов, мечей и прялок. В них — память о вековых победах, честном труде, рождении детей, сохранённом доме и верности Роду.

Навстречу вышедшему из огня Путнику выступают Пращуры. Не тени и не безликие духи, а живые, светлые образы тех, благодаря кому однажды смог появиться он сам. Пращуры не предстают перед ним дряхлыми тенями, согбенными болезнями или ранами земной старости; в лучах Славы каждый явлен в пору наивысшего расцвета своих духовных и созидательных сил. Статные деды с ясными, пронизательными глазами, матери и бабки, излучающие неиссякаемое тепло, воины, зодчие, пахари, мастера и хранители знания — люди десятков и сотен минувших поколений. Земные увечья и следы недугов остались позади, и здесь явлена сама стать Духа.

Путник узнаёт тех, кого застал на Земле стариками, тех, о ком слышал лишь смутные рассказы родителей, чьи лица видел на старых изображениях и даже тех, чьи имена давно затерялись в глубине веков. Для этого узнавания не нужны слова: память отвечает на память, искра — на искру. Здесь встречаются поколения, разделённые в Яви десятилетиями и столетиями. Дед узнаёт внука, которого никогда не видел земными глазами, пращур видит в потомке продолжение когда-то начатого им дела, мать встречает сына, воин — наследника, а мастер — того, в чьих руках спустя века вновь оживило его ремесло. И тогда Путник понимает: встреча в Ирии — не просто возвращение домой, это восстановление родовой целостности. Человек, привыкший считать себя отдельной судьбой, впервые видит огромную цепь поколений, частью которой являлся всегда. Каждая прожитая им боль, каждая победа, каждый честный поступок, каждая преодолённая слабость и каждое добро, переданное дальше — теперь всё это раскрывается в ином масштабе, и прожитая жизнь принадлежит уже не только ему, а становится достоянием Рода.

Первым делает шаг седовласый родоначальник и раскидывает руки. В этом движении нет ни суда, ни чинного поклонения, ни холодной торжественности — только узнавание, радость, гордость и безмерная благодарность за то, что ещё одно звено родовой цепи прошло свой земной путь и вернулось домой. Руки Прашура ложатся на плечи пришедшего, другие подходят

следом, и впервые за весь долгий Путь Душа ощущает себя не странником между мирами, а частью чего-то неизмеримо большего. Цепь замкнулась, звено выдержало, Род продолжается.

Из изумрудных рощ Ирия Пращуры ведут Путника к сияющим палатам — белокаменному терему Рода. Его стены словно вобрали свет множества поколений, своды уходят в лазурную высь, а по резным дубовым вратам выются живые узоры, повествующие о трудах, испытаниях и свершениях минувших колен. В центре просторной горницы дышит теплом родовой очаг, огонь в котором горит без дыма и золы — не пожирая, он согревает, не разрушая, освещает. Вдоль палат протянут широкий дубовый стол, за которым собираются поколения сородичей, ибо здесь нет чужих, и здесь начинается трапеза славения.

Во главе стола родоначальник поднимает резную братину, наполненную сияющим солнечным напитком — живой Сурицей, подобной мёду, вобравшему тепло небесного полдня. Братина переходит к Путнику, он делает первый глоток, и тепло проходит сквозь всё его существо. Из тонкого естества уходят последние следы долгой усталости, отступает память о голоде и жажде, о бессонных земных ночах, о смертном холоде и тяжести Нави. Но Сурица не стирает пережитого: она освобождает от его тяжести, сохраняя мудрость опыта. Путник помнит свой путь, но путь больше не причиняет ему боли, и вместо неё приходит спокойная крепость человека, вернувшегося к своим корням.

На дубовый стол ложится сияющий каравай — знак общей доли, общей памяти и общего труда поколений. Его преломляют не как обычный хлеб, и каждый принимает часть, подтверждая принадлежность к единому Родову кругу. Вкусить этот хлеб — значит понять, что ничья жизнь не существует сама по себе: один пахал землю, другой защищал дом, третий растил детей, четвёртый сохранял ремесло, пятый нёс знание, шестой сумел не ответить злом на зло, и через тысячи таких человеческих жизней Род дошёл до нынешнего дня. Путник больше не чувствует себя оторванным листом, ощущая себя ветвью огромного живого Древа, чьи корни уходят в глубину времён, а крона тянется к Свету.

После трапезы Путник занимает своё место в родовом круге. Родовой чин — не награда за прошлое и не небесная власть над другими, это ответственность. Здесь нет земного соперничества за старшинство: место человека определяется не спесью и не громкостью имени, а тем, что он сумел раскрыть в себе и принести в мир своим земным путём. Тот, кто защищал других и умел встать между опасностью и теми, кто слабее, становится хранителем; чьи руки знали радость топора, молота, резца, земли или иного созидательного труда, продолжает служение мастерством; кто сохранял память, исцелял, учил, примирял враждующих и помогал другим находить дорогу, занимает место среди мудрых хранителей родового знания. Но воин не выше пахаря, мастер не выше матери, а мудрец не выше того, кто всю жизнь честно растил детей и хранил свой дом, ибо старшинство здесь означает не превосходство, а большую ответственность.

И тогда Путнику открывается его место среди своих, и он принимает родовой знак — не как украшение, а как свидетельство принадлежности и напоминание о том, что его Путь не закончился вместе с земной жизнью. Он больше не безымянный странник, вышедший из холодной Нави, а часть живого Рода. Живые помнят ушедших, ушедшие сохраняют память о живых, одни продолжают Род в Яви, а другие хранят его в Слави, и над всеми остаётся единое Древо. Путник поднимает глаза: вокруг него стоят поколения его Рода — те, кого он любил, кого никогда не видел, и те, благодаря кому однажды появился на свет он сам. Впервые за весь долгий Путь ему больше некуда спешить: он вернулся, дорога домой закончилась, и служение Роду только начинается.

Голос Рода:

Посмотри на Мою крепость, Мой возлюбленный путник.

Ты шёл по земле и плакал о своём сиротстве. Ты сетовал, что некому подставить плечо в лютый мороз и не у кого спросить совета в глухую полночь. Но открой очи: разве ты был один?

В каждом твоём вздохе звучал голос этой дубравы. В твоих жилах текла сила этих кузнецов и пахарей, в твоей стойкости билось мужество этих воинов, а твои

дети смеялись улыбками этих матерей. Они незримо держали твой щит над земной пропастью, а ты — оправдал их веру, донёс родовое пламя сквозь стужу и не уронил чести знамени.

Прими Мою братину, Мой сын. Пей до дна! Посмотри на свой пояс: на нём горит твой родовой знак. Ты — не приживальщик в Моём доме. Ты — хозяин, создатель и хранитель родной земли. Прими свой чин и держи свой дозор над мирами, ибо настало время обратить взор к великим Небесным Мастерским.

ГЛАВА 2

ПРОСТРАНСТВО ЧИСТОГО ЛАДА

ПРИРОДА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО СВЕТА ЖИВЫ, ПОБЕДА НАД ЭНТРОПИЕЙ И ПЛОТНОСТЬ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ

Первое, что поражает сознание, переступившее порог Светлой Слави, — это полное отсутствие теней.

В земной Яви свет всегда был ограничен источником: смоляной факел коптил и угасал, солнце неизбежно клонилось к закату, а за каждым освещённым камнем неотступно стелилась полоса тьмы. В Нави свет служил редким серебряным маяком, с трудом пробивавшимся сквозь пелену очистительных туманов. Но в Славе природа света меняется коренным образом: здесь он не падает сверху и не имеет отдельной точки исхода. Свет — это сама субстанция бытия, источаемая каждой частицей обновлённого мира.

В Пространстве Чистого Лада физические законы плотной материи уступают место законам одухотворённого созидания:

* Природа Нематериального Света (Живы). Это сияние не слепит глаз и не отбрасывает резких бликов. Оно осязаемо как мягкое, ласковое тепло весеннего полудня, проникающее сквозь тонкое тело без малейшего сопротивления. В нём нет разрушительного зноя, способного иссушить росток, но в нём заключена колоссальная животворящая сила, питающая сознание напрямую, без посредничества земного дыхания и пищи.

* Преодоление энтропии и тлена. В плотном мире всё подчинялось закону распада: железо разъедала ржавчина, дерево точил червь, камень крошился под ветрами, а плоть увядала от времени. В Славе энтропия побеждена. Время здесь не старит и не разрушает, а служит мерилom раскрытия красоты. Формы не ветшают от долгого бытия — они лишь глубже напитываются светоносной силой, раскрывая всё новые грани заложенного в них смысла.

* Плотность созидательной мысли. Если в Яви замысел требовал долгого и изнурительного труда мышц, топора и зубила, а в Нави мысли невольно лепили лабиринты страхов и привязок, то в Славе мысль обретает статус священного зодчества. Осознанное волевое устремление, согретое любовью к миру, кристаллизуется в осязаемую реальность мгновенно: тонкий эфир послушно складывается в совершенные кристаллические структуры, цветущие кроны или прозрачные своды небесных палат.

* Фильтр несовместимости. В этом пространстве невозможно сотворить уродство, кривду или разрушение. Разрушительный импульс, зависть или гнев здесь просто не находят опоры — они не обладают достаточной частотой, чтобы войти в сцепление со светоносной тканью Слави, и рассеиваются, как дым на сильном и чистом ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.